Айрян З. Г. Национальное своеобразие лирики Егише Чаренца в переводах Михаила Дудина / З. Г. Айрян // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 140—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-140-151.

Ayryan, Z. G. (2017). National Identity in Lyrics of Yeghishe Charents in Translation by Mikhail Dudin. *Nauchnyy dialog, 5:* 140-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-140-151. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.19Чаренц.03=161.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-140-151

Национальное своеобразие лирики Егише Чаренца в переводах Михаила Дудина

© Айрян Заруи Геворковна (2017), кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела зарубежной и сопоставительной литературы, Институт литературы им. М. Абегяна, Национальная академия наук (НАН) Республики Армения (Ереван, Республика Армения), nerses91@rambler.ru.

Статья посвящена переводам М. Дудина из лирики выдающегося армянского поэта начала XX века — Егише Чаренца. Отмечается, что армянская поэзия занимала видное место в переводческом наследии Дудина, о чем свидетельствуют его многочисленные работы, которые можно встретить в разных сборниках поэта. Указывается, что жизненный и творческий путь армянского поэта во многом обусловил созвучие его лирики с лирическими произведениями русских поэтов. В статье посредством сопоставительного анализа исследованы переводы лирических произведений Чаренца с учетом таких критериев оценки переводов, как «адекватность», «эквивалентность», «полноценность», «вольность перевода» и др. Показано на примерах, что Дудин перевел оригинальные стихи армянского мастера слова несколько вольно, однако ему удалось сохранить их смысл, стиль, ритмическую и интонационную организацию. Отмечается, что в русских переводах воссоздано национальное своеобразие произведений армянского поэта, что является заслугой русского поэта-переводчика. Делается вывод о том, что лирика Чаренца в переводах Дудина обрела новое рождение, поскольку стала звучать с новой, покоряющей силой, что и свидетельствует о переводческом профессионализме русского поэта.

Ключевые слова: армянская поэзия; подлинник; перевод; подстрочник; рифма; интонация; вольный перевод.

Перевод — это интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка.

Р. Якобсон

1. Введение

М. Дудин известен не только как талантливый поэт, но и как переводчик, посвятивший свое поэтическое дарование сближению национальных литератур и культур разных стран. Лучшие переводы М. Дудина вошли в его антологию «5 сестер и 32 брата — все вместе» [Дудин, 1965], куда были помещены переводы не только армянской поэзии, но и грузинской, еврейской, латышской, кабардинской, а также поэтических произведений других народов. Армянская поэзия явилась для Дудина своеобразным ключом к познанию одной из древнейших стран мира, которая на протяжении веков славилась своей культурой, в частности литературным наследием. Стихи, посвященные Армении, переводы, эссе, послания Дудина также вошли в книгу «Земля обетованная» [Дудин, 1989].

Особый интерес М. Дудин проявил к творчеству выдающегося армянского поэта Е. Чаренца, в котором русский поэт-переводчик нашел много общего со своей лирикой. Поэзия армянского мастера восхищала его своей оригинальностью, высоким патриотическим пафосом, смелым и честным словом. Жизнь Чаренца можно считать подвигом упорной *борьбы* за светлое будущее своего народа, *борьбы* с невежеством и произволом, *борьбы* с властями и цензурой, *борьбы* с самим собой. Поэт был гражданином своей страны, который понимал, что на него самой историей наложена огромная ответственность.

Поэзия Е. Чаренца сформировалась под непосредственным влиянием Октябрьской революции, которую он застал в Москве, она оказала большое влияние на мировоззрение и личностное становление армянского мастера. Поэтому основной темой поэзии Чаренца является тема родины. Большая часть его произведений — это гражданская и любовная лирика, отразившая внутренний мир поэта, его нравственные и эстетические ценности.

Характеризуя творчество армянского поэта, М. Синельников писал: «Жизнь Чаренца совпала с Великой Красной Революцией, и он со всем жаром принял ее пафос и ее цвет. Это упоение и разрушением, и созиданием стало участью нескольких величайших поэтов Европы, России, всего мира. Как и последующее разочарование. Как и гибель — от своей или чужой пули, в петле или в застенке. Никого нельзя осудить за искреннее заблуждение. И ведь сила ранних страстно-революционных стихов не убавится от поздней переоценки. Заблуждались и старшие, опытнейшие» [цит. по: Чаренц, 2008, с. 194].

Чаренц был не только прекрасным знатоком и пропагандистом русской литературы, ему принадлежат переводы стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина и других русских поэтов, ко-

торые на армянском языке звучат созвучно оригиналам. Признавая большое влияние русской литературы на развитие армянской, Чаренц писал: «Любое литературное движение в России находило непосредственное отражение у нас, вертело колесо нашей литературы, намечало ее пути и тропы» [цит. по: Савченко, 2015, с. 21].

Известно, что Чаренц принимал непосредственное участие в подготовке своего первого сборника стихов в русском переводе [Мкртчян, 1968, с. 82]. Имея большой опыт переводческого искусства, он следил за тем, чтобы в русских переводах сохранились присущие его творчеству многообразные стиховые формы и стиль, создающие оригинальность его поэзии.

По поводу творчества Е. Чаренца В. Звягинцева писала: «Нельзя не сказать о поэте, которого нет среди нас, но стихи и поэмы которого живут именно в современности. Это Егише Чаренц, чье горячее требовательное сердце, отраженное в стихах, еще много, много лет тому назад потрясло меня. Это был один из первых поэтов, благодаря которому я узнала о прекрасной трагической “Стране Наири” и навсегда полюбила ее» [Звягинцева, 1998, с. 119].

В поэзии Чаренца также прослеживается творческая общность с русской поэзией, их взаимовлияние, на что указывали в своих работах исследователи Т. Савченко [Савченко, 2015], Е. Шокальски [Шокальски, 2010] и др. Так, например, Т. Савченко справедливо отметила, что поэзия Чаренца близка в первую очередь Маяковскому, однако многое роднит ее и с поэзией Есенина. Об этом Савченко пишет так: «У двоих поэтов немало точек сближения. “Октябрьские поэмы” Чаренца 1918—1919 гг. перекликаются с “маленькими поэмами” Есенина (1917—1918 гг.), а его поэма — сказание “Песнь о народе” (1920), посвященная историческому пути русского народа, начиная от крестьянских восстаний Разина и Пугачева вплоть до Октябрьской революции, — сближается с есенинской “Песнью о великом походе (1924): оба автора осмысливают роль народа в истории» [Савченко, 2015, с. 24].

Таким образом, творчество армянского поэта интересно и как пример гражданской поэзии, отражавшей его видение исторических событий, и как образец оригинальной армянской лирики, мотивы которой перекликаются с творческими исканиями русских поэтов. Из лирики Чаренца Дудин перевел такие стихотворения, как «Поэт», «Слова прощания», «Шумит в моем сердце ночная глухая тоска…», «Уйду я из жизни этой…», «Есть гости. Трудно в них поверить…», «Случайному прохожему», «На родине», «Удивительная осень», «На озере синем по ласковой плоскости вод» и многие другие произведения, которые достойно представили творческую индивидуальность армянского поэта.

Глубоко чувствуя и мастерски передавая силу лирики армянского творца, Дудин писал: «Чаренц пытался связать тысячелетнюю историю своей Армении с началом нового дня нового мира, с его перспективой заманчивого грядущего и представить их вместе. И его воистину неистовая душа ликовала и пророчила, открывала и, задумываясь, искала новые варианты и в жизни, и в стихе, потому что стих был его жизнью, ее первоосновой» [Дудин,1984, с. 267].

2. Сопоставительный анализ переводов М. Дудина из лирики Е. Чаренца

Лучшие образцы поэзии Чаренца в переводах Дудина обрели второе рождение, стали звучать с новой покоряющей силой. Остановимся на некоторых из них и проследим, какими методами и принципами переводческого искусства руководствовался Дудин, чтобы добиться гармоничного созвучия его переводов и оригинальных произведений армянского поэта. В данной статье переводы Дудина оценивались по таким критериям, как «адекватность», «эквивалентность», «полноценность», «равноценность», «вольный перевод» и др.

Одним из распространенных оценочных критериев перевода является его «адекватность», свидетельствующая о верной передаче исходного сообщения при соблюдении норм переводящего языка (далее — ПЯ). Исследователь А. Лилова по этому поводу пишет: «Цель переводчика состоит в том, чтобы найти и в процессе перевода достичь функциональной эквивалентности обоих текстов. Это необходимо, чтобы реализовать коммуникативный эффект (возникший при достижении функциональной эквивалентности обоих текстов), что в свою очередь означает эквивалентность отношения “оригинал — читатель” отношению “перевод — читатель”» [Лилова, 1965, с. 185].

Совокупность требований к качеству перевода называется *нормой перевода*. Она определяется жанрово-стилистической принадлежностью оригинала и перевода, прагматическими факторами, а также необходимостью понимания целей и задач, которые ставит перед собой переводчик, с учетом той исторической эпохи, во время которой осуществлялся перевод. В. Комиссаров различал пять основных видов норм перевода: норма эквивалентности перевода, жанрово-стилистическая норма перевода, норма переводческой речи, прагматическая норма перевода, конвенциональная норма перевода [Комиссаров, 1999, с. 122]. Ниже рассмотрим, как соблюдается норма перевода в работах Дудина — в переведенных им лирических стихотворениях армянского мастера слова.

Одним из программных произведений Чаренца является стихотворение «Поэт», в котором автор с большим оптимизмом говорит о своем предназначении, воспевает мир с таким чувством любви, что оно превращает бесцветный мир в цветущий, живой ковер. Характеризуя поэзию Чаренца, Дудин писал: «Он был современником Есенина и Лорки. Прошел школу Верлена и Маяковского. Поднялся к вершине общечеловеческой мысли на гребне революции и остался ей верен до последнего вздоха. <…> Его талант мужал и совершенствовался, набирая высоту и силу вместе с поступательным движением нового мира. Его певучая душа, подобно раковине, собирала музыку всего океана и, преображая ее, пыталась звучать многообразием всего океана» [Дудин, 1984, с. 268].

Перевод Дудина воспроизводит мысли и чувства автора стихотворения, очень точно передавая дух его лирики. Фрагмент стихотворения звучит так:

Ինձ համար չարը դառնում է բարի,
(*И зло становится добром,*)
Անգույն առօրյան — մոգական երազ,
(*И мир перед поэтом*)
Սիրում եմ բոլոր գույներն աշխարհի՝
(*В бесцветный час живым ковром*)
Երկնային հեռուն ու աստղերն անհաս:
(*Цветет под звездным светом,*)
Եվ շրջիկների երգերը անհոգ,
(*Прекрасен этот звездный свет,*)
Վազքը կառքերի, փողոցի ուղին —
(*И праздные скитальцы,*)
Դառնում են հանկարծ հեռավոր ցնորք,
(*И наблюдающий поэт*)
Որ երազել է պոետի հոգին:
(*Весь этот бред сквозь пальцы.*)
Երբ համբուրում եմ շրթերը կնոջ,
(*Ты знаешь, женщина, туман*)
Շրթեր, որ հազար մարդ է համբուրել —
(*И легкой страсти цену.*)
Հավատում եմ ես, որ նրանք քրոջ
(*Но я целую твой обман*)
Շրթունքներ են կույս — ու մաքուր են դեռ… [Charenc, 1983, p. 86]
(*За вечную измену…*) [Дудин, 1989, с. 51]

Для более верной оценки свойств переведенного текста представим подстрочный перевод оригинала:

Для меня зло становится добром,
Бесцветная ежедневность — волшебный сон,
Люблю все цвета мира,
Небесную даль и недосягаемость звезд.

И песни бродящих певцов,
Бег карет, путь улицы,
Превращаюсь в удаляющийся путь,
О чем мечтала душа поэта.

Когда целую губы женщины,
Губы, которые тысячи людей целовали,
Верю я, что они губы сестры,
Губы девы и они еще чисты…

Перевод Дудина представлен вольно, но даже некоторые поэтические отклонения и добавления позволили переводчику сохранить основной смысл и стиль подлинника. Перевод, как и подлинник, состоит из шести столбцов, выполненных перекрестной рифмовкой *абаб*, с точной рифмой, обеспечивающей фонетическое звучание стиха. Сравним:

Подлинник: բարի — աշխարհի, երազ — անհաս, անհոգ — ցնորք и др.

Перевод: добром — ковром, поэтом — светом, свет — поэт и др.

В переводе Дудин верно воспроизвел образ поэта, его восприятие мира, отразил его настроение, эмоциональное состояние.

Например:

Դառնում են հանկարծ հեռավոր ցնորք
(*И наблюдающий поэт*)
Որ երազել է պոետի հոգին…
(*Весь этот бред сквозь пальцы…*)

Перевод Дудина интересен также и своим метафорическим языком, соответствующим особенностям выразительности подлинника, что свидетельствует о переводческом профессионализме русского поэта. Сравним:

Подлинник: Սիրում եմ բոլոր գույներն աշխարհի /, Երկնային հեռուն ու աստղերն անհաս /, Վազքը կառքերի, փողոցի ուղին..

Перевод: В бесцветный час живым ковром /, Цветет под звездным светом /, Прекрасен этот звездный свет.

В переводе Дудину удалось показать образ женщины, знающей цену страсти. Однако в стихотворении Чаренц называет женщину ласково ***сестрой, с чистыми губами девственницы —*** Հավատում եմ ես, որ նրանք քրոջ /, Շրթունքներ են կույս — ու մաքուր են դեռ. В переводе же нет такого обращения, мысли поэта переданы несколько вольно: *Ты знаешь, женщина, туман /, И легкой страсти цену /, Но я целую твой обман /, За вечную измену*/. Следует отметить, что вольности в переводе не исказили смысл стихотворения, а способствовали более яркому отражению эмоционального состояния поэта.

Помимо метафоричности речи, в переводе для создания выразительности используются разные виды звукописи, такие как аллитерация, ассонанс (Երբ համբուրում եմ շրթերը կնոջ, / Շրթեր, որ հազար մարդ է համբուրել — *Цветет под звездным светом /, Прекрасен этот звездный свет* и др.), а также фигуры синтаксиса, например, антитеза (Ինձ համար չարը դառնում է բարի. — *И зло становится добром.*).

Интересно, что в перевод Дудин добавил риторический вопрос, адресованный поэтом женщине (*Ты знаешь, женщина, туман?*), которого в подлиннике нет, усилив тем самым взволнованный настрой поэта — и этот прием не исказил общий смысл стихотворения. Сравнительный анализ показал, что в переводе ощущается темперамент мыслей Чаренца, его дух, настроение, воссоздан и эстетизм стихотворения, что можно считать явной заслугой переводчика, поскольку С. Флорин писал: «Искусство переводчика — передать на другом языке благодаря своему пониманию, умению, знанию чужой действительности то, что увидел, прочувствовал, изобразил писатель» [Флорин, 1983, с. 192].

На необходимость передачи стилистической формы авторского произведения в свое время указал И. Кашкин: «При переводе возникает некоторая двойственность, весьма осложняющая задачу переводчика. Ведь, не ослабляя требований в отношении общего соответствия с изображенной в подлиннике действительностью, будь она реальная или сказочная, то есть оставаясь реалистом, переводчик должен передать стилистическую форму автора в соответствии с его творческой манерой. Реалистическим можно условно назвать перевод, который достигает верности и близости к оригиналу, когда переводчик старается воспроизвести средствами своего языка то, как отражает подлинник правду действительности» [Кашкин, 1968, с. 528]. Кроме того, указывая на высшую заслугу переводчика, И. Кашкин писал: «Наивысшая победа переводческой личности не в том,

чтобы подгонять текст автора под свой почерк, а в том, чтобы быть соизмеримым или хотя бы найти общий язык с автором. Наивысшая заслуга — находить не из эгоистической конкуренции с автором, а из дружеского сотрудничества с ним в интересах и его читателя» [Там же, с. 515].

О поэтической соизмеримости творчества автора и переводчика свидетельствует перевод стихотворения «Памятник», где величие мыслей и чувств поэта воссозданы Дудиным созвучно оригиналу:

Ես մոնումենտ կանգնեցի ինձ համար դժվար մի դարում,
(*Я памятник себе в мой трудный век воздвиг,*)
Երբ կործանվում էր իմ շուրջը այն ամենը, որ բազմաթիվ
(*Когда вокруг меня все гибло и стонало,*)
Տարիներ, դարեր էր կանգնել – և անմահ էր թվում աշխարհում:
(*И время мира изменяло лик.*)

Իմ մոնումենտն հյուսեցի երգերից խոր ու խրթին,
(*Мне мудрых песен в мире было мало,*)
Խոհերից, որ բորբ են ու նոր, որ կյաՀնքն են կրում իրենց մեջ,
(*Я наполнял раздумьем каждый миг*)
Որ հորդելով բխեցին իմ դարի բորբոքուն սրտից:
(*О том, чем жизнь цвела и ликовала.*)

Ծնվեցի ես Ղարսում, սակայն՝ իմ հոգում արևն Իրանի
(*Родился в Карсе*[1] *я, потом мне в кровь проник*)
Հար հուրհուրաց, իբրև հին, հայրենի կարոտ մի անմար,
(*Ирана древний зной. И — сбросил покрывало.*)
Բայց հայրենիքը ոգուս — բովանդակ աշխաՀրհը եղավ: [Charenc, 1988, p. 169],
(*Весь мир передо мной — прекрасен и велик*) [Дудин,1989, с. 66],

Подстрочный перевод:
Я воздвиг себе памятник в трудный век,
Когда терялось вокруг меня все, что многочисленно,
Годы, века стояли и бессмертным все казались в мире.

Мой монумент я сплел из своих горьких и грустных песен,
Из мечтаний, которые смелы и новы, в которых жизнь,

[1] Карс — армянский город (Западная Армения, ныне территория Турции), место рождения Е. Чаренца.

Которые вышли из сердца моего века.

Родился в Карсе, но в сердце моем солнце Ирана,
Вспыхнула неугасающая тоска по земле,
Но родина в душе, весь смысл мира.

Как видно из перевода, он выполнен вольно, однако переводчику удалось приблизиться к смыслу и стилю подлинника. По своему построению перевод, как и подлинник, состоит из трехстиший с перекрестной рифмовкой *абаб,* с точной рифмовкой на конце стиха.

Подлинник: դարում — աշխարհում, բազմաթիվ — խրթին и др.

Перевод: воздвиг — лик, стонало — мало и др.

В переводе Дудину удалось передать лексическое богатство подлинника, в котором сравнения, метафоры, аллитерации, ассонансы придают особое звучание стихотворению, характерное для поэтического стиля армянского поэта. Например:

Подлинник: դժվար մի դարում /, Տարիներ, դարեր էր կանգնել / Իմ մոնումենտն հյուսեցի երգերից խոր ու խրթին / и др.

Перевод: Трудный век воздвиг /, И время мира изменяло лик /, Мне мудрых песен в мире было мало / и др.

Перевод созвучен подлиннику ритмически и интонационно. Для большей выразительности мыслей и чувств поэта Дудин также использует цезуру (*Ирана древний зной. И — сбросил покрывало*), выделив тем самым взволнованность поэта.

Дудин не упустил в переводе и географические названия, встречающиеся в подлиннике (Ղարսում, Իրանի — *Карс, Иран*), верно передав мысли поэта, ностальгию по родине, созвучную его эмоциональному состоянию. В переводе воссоздано национальное своеобразие подлинника, что также является большим достижением переводчика.

Таким образом, сравнительный анализ оригинала и перевода показывает, что вольный перевод Дудина близок по смысловым и стилистическим характеристикам оригиналу, а следовательно, переводческая задача решена им на самом высоком уровне.

Признавая бессмертие поэзии Чаренца, Дудин писал: «Он погиб на снежном пике своего творческого расцвета. Ночной проклятый ветер страха и затмения, низости и предательства дунул из-за угла на его душу, и она, как одуванчик, разлетелась по каменным зубцам и ущельям древней земли. Но поэзия бессмертна, и семена одуванчика его души на легких парашютиках летели над землей и находили свою почву. Они снова за-

цветают, эти одуванчики, потому что без их цветения нет жизни на земле. Потому что они и есть вечность, часовые вечности, несущие ее эстафету. Песня бессмертна в душе народа, в его множестве, и в бессмертии песни бессмертие поэта» [Дудин, 1984, с. 267—268].

3. Выводы

По общему признанию почитателей поэзии и исследователей творчества Е. Черенца, лирика армянского мастера слова заслуживает самой высокой оценки. М. Синельников в связи с этим писал: «Чаренц говорил голосом Армении. Как будто бы он и есть сама Армения. И прельстительное ее язычество, и мученическое христианство. Грохот ее камней слышится в его гимнах, в его эпитафиях, реквиемах. Неутомимый Чаренц был подобен каменотесу, и прежде того — каменобойцу, рассекающему скалистые громады и добывающему слова из первородных слоев языка. Но время стискивало, давило. В конце концов он был раздавлен глыбами…» [цит. по: Чаренц, 2008, с. 196]. Талант армянского поэта не мог остаться незамеченным русским поэтами-переводчиками, поэтому его лирика активно переводилась на русский язык, в частности Михаилом Дудиным.

Сравнительный анализ переводов М. Дудина из лирики Е. Чаренца показывает, что переводчик исключал механический подход к работе, одной из важнейших задач его работы являлось верное воспроизведение подлинника с тщательным отбором соответствующих средств ПЯ. Переводы Дудина представлены с максимальной близостью к подлинникам на языковом, смысловом, стилистическом уровне, верно воссоздана и эстетическая норма стихотворений. При этом очевидно, что переводы Дудина воссоздают национальное своеобразие лирики армянского поэта, сохраняют их ритмический и интонационный строй стиха. Как переводчик, Дудин стремился к высшей гармонии переводов на русский язык армянской оригинальной лирики, что свидетельствует о большом даровании поэта-переводчика.

Источники

1. *Дудин М.* 5 сестер и 32 брата — все вместе / М. Дудин. — Ленинград, 1965. — 242 с.

2. *Дудин М.* Все вместе. Переводы. Послания. Посвящения / М. Дудин. — Москва : Советская Россия, 1980. — 272 с.

3. *Дудин М.* Земля обетованная / М. Дудин. — Ереван : Хорурдаин грох, 1989. — 407 с.

4. *Дудин М.* Поле притяжения / М. Дудин. — Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1984. — 350 с.

5. *Чаренц Е.* Поправший смерть, сотворивший твердь / Е. Черенец. — Москва : Голос-Пресс, 2008. — 233 с.

6. *Charenc E.* Erker / E. Charenc. — Yerevan : Sovetakan groh, 1983. — 671 p.

7. *Charenc E.* Erkeri gogovacu chors hatorov / E. Charenc. — Yerevan : Haeastan, 1986. — H. 1. — 439 p.

Литература

1. *Звягинцева В.* Кланяюсь Еревану и Арарату / В. Звягинцева. — Ереван : Издательство Ереванского государственного университета, 1998. — 182 с.

2. *Кашкин И. А.* Для читателя современника / И. А. Кашкин. — Москва : Советский писатель, 1968. — 558 с.

3. *Комиссаров В. Н.* Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. — Москва : ЧеРо, 1999. — 136 с.

4. *Лилова А.* Введение в общую теорию перевода / А. Лилова. — Москва : Высшая школа, 1985. — 255 с.

5. *Мкртчян Л. М.* Армянская поэзия и русские поэты XIX—XX вв. / Л. М. Мкртчян. — Ереван : Айастан, 1968. — 465 с.

6. *Савченко Т. К.* “Вековечный свет” : Сергей Есенин и армянский поэт Егише Чаренц / Т. К. Савченко // Современное есениноведение. Научно-методический журнал. — 2015. — № 4 (35). — С. 21—33.

7. *Флорин С.* Муки переводческие / С. Флорин. — Москва : Высшая школа, 1983. — 213 с.

8. *Шокальски Е.* «Потому что я с севера, что ли...» : о типологических сходствах поэзии Есенина и Чаренца / Е. Шокальски // Новые российские гуманитарные исследования. — 2010. — № 5. — С. 54.

National Identity in Lyrics of Yeghishe Charents in Translation by Mikhail Dudin

© Ayryan Zarui Gevorkovna (2017), PhD in Philology, associate professor, senior research scientist, Department of Foreign and Comparative Literature, Abegyan Institute of Literature, National Academy of Sciences of Republic of Armenia (Erevan, Republic of Armenia), ners-es91@rambler.ru.

The article is devoted to translations by M. Dudin of the lyrics of Yeghishe Charents, outstanding Armenian poet of the early 20th century. It is noted that the Armenian poetry took a prominent place in Dudin’s translation heritage, as evidenced by his numerous works that can be found in different collections of the poet. It is indicated that the life and creative path of the Armenian poet is largely responsible for the harmony of his lyrics with the lyric works of Russian poets. The article through the comparative analysis considers the translations of lyrical poems by Charents taking into account such criteria for the evaluation of translations as “adequacy,” “equivalence,” “usefulness,” “freedom

of translation" etc. The examples show that Dudin translated the original verses of the Armenian master of word loosely, but he managed to keep their sense, style, rhythmic and prosodic organization. It is noted that the national identity of the Armenian poet is recreated in the Russian translations, that is a merit of the Russian poet and translator. It is concluded that the lyrics of Charents in Dudin's translations found the new birth, because it began to sound with a new, overwhelming force, evidencing the translation professionalism of the Russian poet.

Key words: Armenian poetry; original; translation; interlinear translation; rhyme; intonation; free translation.

Material resources

Dudin, M. 1965. *5 sester i 32 brata — vse vmeste*. Leningrad. (In Russ.).

Dudin, M. 1980. *Vse vmeste. Perevody. Poslaniya. Posvyashcheniya*. Moskva: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).

Dudin, M. 1984. *Pole prityazheniya*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).

Dudin, M. 1989. *Zemlya obetovannaya*. Erevan: Khorurdain grokh. (In Russ.).

Charents, E. 1983. *Erker*. Yerevan: Sovetakan groh. (In Armen.).

Charents, E. 1986. *Erkeri gogovacu chors hatorov, 1*. Yerevan: Haeastan. (In Armen.).

Charents, E. 2008. *Popravshiy smert', sotvorivshiy tverd'*. Moskva: Golos-Press. (In Russ.).

References

Florin, S. 1983. *Muki perevodcheskiye*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

Kashkin, I. A. 1968. *Dlya chitatelya sovremennika*. Moskva: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).

Komissarov, V. N. 1999. *Obshchaya teoriya perevoda*. Moskva: CheRo. (In Russ.).

Lilova, A. 1985.*Vvedeniye v obshchuyu teoriyu perevoda*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

Mkrtchyan, L. M. 1968. *Armyanskaya poeziya i russkiye poety XIX—XX vv.* Erevan: Ayastan. (In Russ.).

Savchenko, T. K. 2015. "Vekovechnyy svet": Sergey Esenin i armyanskiy poet Egishe Charents. *Sovremennoye eseninovedeniye. Nauchno-metodicheskiy zhurnal, 4 (35):* 21—33. (In Russ.).

Shokalski, E. 2010. «Potomu chto ya s severa, chto li...»: o tipologicheskikh skhodstvakh poezii Esenina i Charentsa. *Novyye rossiyskiye gumanitarnyye issledovaniya, 5:* 54. (In Russ.).

Zvyagintseva, V. 1998. *Klanyayus' Erevanu i Araratu*. Erevan: Izdatelstvo Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).